

Павел Парфин

**Сумасшедший
репортер**

Павел Парфин

Сумасшедший репортер

Авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6507162

Аннотация

Книга Павла Парфина «Сумасшедший репортер» – рождественский детектив с зимним налетом мистики.

Конец 90-х, город Сумы, канун Рождества. У героя книги журналиста Евгения Безсонова несколько дней назад родился сын. Безсонов погружен в мысли о крошечном сыне, о том, как прокормить семью, как наконец ему выбиться в люди... Безсонов собирается написать репортаж о небольшом предприятии, сумевшем остаться на плаву в наше сложное время. По дороге на завод Безсонов знакомится с неким Геной, водителем трейлера. Гена рассказывает, как неподалеку от Сум его трейлер ограбили: вытащили сахар в мешках, а вместо него, словно в насмешку, запихнули елки. Что делать с трейлером елок, когда Новый год позади?..

Вид завода и его работников навеял на Безсонова страшную тоску. О чем писать, когда здесь, казалось, все безнадежно замерло, ничего не происходит, не развивается. Безсонова осеняет идея – озорная, сумасбродная. Он уговаривает Гену привезти елки на завод и раздает их ошалевшим работникам. Завод пробуждается...

Содержание

1	4
2	12
3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Павел Парфин

Сумасшедший репортер

1

С утра Безсонов был на подъеме. Весело насвистывая себе под нос, он споро собирался на репортаж. Положив в сумку диктофон, блокнот, надев куртку и замотав шею старым индийским шарфом, он послал воздушный поцелуй портрету жены, скучавшему на журнальном столике, и выбежал из квартиры.

Погода в день накануне Рождества стояла отменная. Мороз градусов десять забавы ради озвучил снег ногами прохожих, оттого снежные дорожки скрипучими голосами беззлобно переругивались с многочисленными сапогами да ботинками людей. Январское солнце, ворвавшись в прищуренные от нестерпимого блеска глаза, заливало душу озорным огнем. Безсонов с радостью ощущал, как душа его, последних два года мертвым поплавком провалявшаяся на бесчувственном дне сознания, быстро и весело поднималась кверху, навстречу искрящимся метаморфозам зимнего дня. Женька смаковал это новое свое состояние, как неожиданный вкус неиспробованного коньяка.

У Безсонова, ярого противника второго ребенка, сегодня

родился сын. Женька еще не знал, как зовут его дитя, но уже был счастлив, что теперь будет кому носить его отчество – Евгеньевич...

Женька был счастлив той победой, которую одержал над собой. Однажды, обняв во сне жену, он уперся в ее большой круглый живот, и в этот момент Безсонову приснился короткий сон. Много-много зелени, листва, мерно покачиваясь, плавает в золотом желе солнечного света, а в центре зыбкой зелени сидит его сын и плещется ручонками в солнечной воде. Волосики его мокрые, отливают теплым золотом, с них бесшумно падают тяжелые блестящие капли, стекают по розовой шейке, ручкам, попке и, соединившись с половодьем света, рождают вокруг себя десятки разноцветных кругов, расходящихся прямо по верху листвы и один за другим сливающихся, впитывающихся в основание громадной радужной косы, легко вознесшейся над зеленым миром... Тогда, в том коротком солнечном сне, Безсонов поверил, что способен во второй раз стать отцом.

...Все места в маршрутке были заняты. Женьке пришлось сесть на корточки возле молодой женщины в короткой дубленке и черных колготках. Зимнее солнце наполнило салон машины далеким дымчатым светом. Безсонов вдруг почувствовал себя одиноким, утратив утреннее равновесие в душе...

Конечно, это было непросто: жизнь не располагала к продолжению рода. По крайней мере, таких, как Безсонов. И дело не в том, что Женька не был денежным мужиком, — ему не хватало жизненных сил. Той энергией, которой его наделили Бог и природа, он едва откупался от прожорливой, циничной эпохи, умудряясь втайне от нее делиться заначкой своих жизненных калорий с дочерью (к сожалению, для жены уже почти не оставалось сил), подпитывать юную Лилькину душу жидковатой, как пустой суп, отцовской любовью. И вдруг — второй ребенок! Ну куда?! Зачем?!

...Женька смотрел в окно маршрутки снизу вверх, отчето знакомые очертания домов и деревья казались внезапно подросшими, молчаливо нависшими над его маленькой согнувшейся в утробе машины душой...

Поначалу Безсонов воспринял будущего ребенка как наказание — наказание за собственную нерасторопность, беззлобность, мягкость, нежелание жить хорошо. Родить ребенка, которого ты не можешь и даже не мыслишь, как обеспечить, это значит плодить нищету.

Затем стыдливую энергию отторжения еще не родившегося человека Безсонов направил на самого себя — никудашнего взрослого мужика. У многих его однокурсников, с которыми он двенадцать лет назад учился в политехе, уже были вторые и даже третьи свои фирмы, кто-то крепко встал на

ноги в Киеве, а Стас Гулаков вообще свалил в Штаты... А он? Что было у него? Все, что ему оставалось, когда время от времени он сталкивался на улице с кем-нибудь из приятелей-предпринимателей (а случалось это не часто, поскольку бывшие институтские товарищи предпочитали мерять город не ногами, а колесами собственных машин), так это кичиться оправдывающимся тоном своим не востребовавшимся профессионализмом. Вот если бы он уехал в Москву или, на худой конец, Киев, он бы мигом нашел там работу за хорошие бабки: ведь таких профи и в столице по пальцам можно пересчитать!... Бывшие приятели жалели рассеянно Безсонова, тому становилось немного легче и теплей, но не до конца – кусочек льда так и продолжал колтыхаться в зябком коктейле его души. Себя-то, себя-то Безсонов не мог обмануть! Какой он, гребанной матери, профессионал, если платят ему за его работу меньше 40 долларов! А Безсонов при этом даже бровью не ведет!

...Маршрутка остановилась перед светофором возле Главпочтамта, и Женька, у которого от сидения на корточках затекли сильно ноги, решил пересест на освободившееся рядом с водителем место. Когда он выходил из машины, случайно зацепил сумкой за колготки женщины в короткой дубленке. «Ну, ты! Потихе!» – шикнула она на него. Дорога была ослепительно белой и скользкой, как полированная спинка импортной двуспальной кровати...

Безсонов не сопротивлялся, Безсонов не наступал на трудности, невзгоды и обстоятельства – казалось, он совершенно не был на это способен. Втайне от жены застряв в туалете, он мечтал о воле, агрессии, экспансии против окружающей «социальной среды». Безсонов, по жизни не ведая, что это такое, высоко, выше чем ум, ставил эти качества, воплощающиеся в том или ином виде в постоянном движении к какой-нибудь цели. У его бывших сокурсников такой целью были, например, их бизнес и деньги. А какой целью был озабочен Безсонов? Почему он не двигался? Ведь его воли хватало только на два шага вперед!

Может, Безсонов просто-напросто был ленив? Или, потерявшись перед натиском мутировавшей жизни, не сумел поставить перед собой новую цель?.. А была ли старая, вот в чем вопрос!..

...Одна улица сменяла другую, плавно ложась под колеса маршрутки. Пешеходов, казалось, не вдохновляло ожидание близкого Рождества – люди проходили с обычными туповатыми или озабоченными, обращенными внутрь лицами. Открытых, освещенных январским солнцем лиц Женька заметил мало. Он вдруг улыбнулся своим мыслям: как там его жена и сын?..

И вот жизнь распорядилась по-своему. Устав, видимо, от

его, безсоновского, бездействия, взяла да поставила Женьку в условия, при которых невозможно было избежать перемен. При этом сделала Безсонова невольным инициатором этих перемен. Просто однажды Вера Безсонова сказала своему мужу: «Женя, у нас будет ребенок».

Оцепенение, растерянность, страх, равнодушие, надежду – все эти состояния-чувства пришлось пережить Безсонову, переваривая верину сначала новость, потом угрозу, а затем сигнал к действию. Безсонов понял: пока не родился малыш, нужно что-то делать. Пора делать что-то, пускай для начала и неопределенное, подсказанное, может, больше отчаяньем и интуицией, чем рассудком и опытом, с тем чтобы потом, когда родится сын (сомнений в этом не было), Женька уже более-менее твердо стоял на ногах, занимаясь осознанно делом, постепенно набирающим вес и приносящим нормальные деньги. Ну хотя бы обещающие стать таковыми!..

И события двинулись навстречу Безсонову торопливым гуськом. Казалось, жизнь, выдержав громадную паузу, как рискованный парашютист в затяжном прыжке, спешно преподносила Безсонову уроки. Первым делом она научила его... стрелять. За две недели до Нового года Витек Андрейченко предложил Безсонову съездить на охоту. «Поехали, адреналинчика подкачаешь себе. А то совсем квелый – на будущего отца никак не похож!» Охота выдалась в тот день ужасно вьюжистой и даже не по-декабрьски задиристой. Андрейченко, выведя Безсонова на одну ведомую лишь самому Витьку

лесную полянку всего в трех километрах от города, поставил Женьку против неугомонного ветра и напомнил, как быстро перезаряжать ружье (он поделился с Безсоновым стареньким «ИЖ-58»). Сам же пошел в обход, надеясь вспугнуть какую-нибудь тваринку.

Ветер бил в лицо с такой силой, что Женьке казалось: стрельни, и пуля отрикошетит от атакующей стены воздуха... Не прошло и получаса, как на Безсонова, уже порядком окоченевшего, вылетел белый комок с двумя живыми клювками глаз. Большими сильными прыжками, прижав уши, заяц сокращал расстояние до обмершего Безсонова. Женька так и не понял, повинуюсь чьей воле, подняли его руки ружье и дали двойной залп. Ветер резко пахнул порохом, вызвав спазм в горле и заставив подпрыгнуть сердце и напрячься член... Заяц, летя по инерции, перекувыркнулся пару раз и умер подле Женькиных ног.

С чувством, в котором смешалась жалость с безгласностью, Безсонов нагнулся над телом зверька, но тот вдруг вздрогнул и мигом шмыгнул под прикрытые выюги. «Во как!» – только и подумал в эту секунду Безсонов и по-детски легко рассмеялся. Ветер тут же залепил ему рот снежной мягкотью...

Человеку всегда нужны были чье-нибудь мясо (женщин, птиц, стихов, винограда и т. д.) и собственные деньги. Безсонов, четыре года проработавший ответственным секретарем в газете «Перекресток рекламы», решил вдруг попробовать

себя на поприще репортера. Если откровенно, не вдруг, конечно, – просто другого источника подработки Безсонов так и не нашел. Вот сейчас Безсонов и ехал на одно из первых своих заданий: подготовить небольшой репортажик, рассказать о том, как умирающий заводик – металлический осколок 75-летней эпохи – встречает новое тысячелетие.

По большому счету, Безсонову дела не было ни до этого заводика, ни вообще до всех остальных. Слепив глаза от бившего в лицо солнца, будто сфокусировавшего на нем всю свою зимнюю энергию, и вновь погрузившись, словно в горячую ванну, в счастливые думы о переменах в его жизни, Безсонов ехал в маршрутке, сидя рядом с водителем. Столько событий сразу! За короткий период мир стал одновременно объемней и ближе, в нем будто открылось второе дыхание...

Сразу за Харьковским мостом, у суконной фабрики, маршрутку тормознул крепкий коренастый мужчина. Безсонов, может, и не обратил бы на него внимания, если бы не ярко-синий болоньевый комбинезон крепыша с белой трехконечной звездой на груди. Приверженец марки «Мерседес» уселся рядом с Безсоновым. Усаживаясь поудобней, новый пассажир энергично подвигал туда-сюда широким задом, едва не вдавив худощавого Безсонова в молоденького водителя. Затем, бесцеремонно отстранив Женьку левой рукой, не в меру энергичный пассажир обратился к водителю:

– Слушай сюда, паренек! Где тут у вас автостоянка?

– У нас их много. Вам какая нужна?

– Какая-какая!.. Побольше! Мне фуру надо поставить, может, на денек-другой.

– На Химгородке есть большая стоянка. Новая. Ее только два месяца назад открыли. Прямо возле университетского бассейна.

– Мне плевать, старая она или новая! Лишь бы фура моя стала там да охрана была нормальной. Есть там охрана?.. А то я уже успел хлебнуть дерьма в вашем паршивом городишке!

– Как же вы могли хлебнуть дерьма, если оно мерзлое?! На улице-то девять градусов мороза! – не выдержав понтовско-

го тона мужика в синем комбинезоне, вмешался Безсонов – ему не понравилось, что хамовитый пассажир одновременно хаает его родной город и бросает бранную тень на светлое его, Женькино, настроение. Ну как можно злословить, когда жизнь вокруг прекрасна?! Когда его сыну сегодня чуть больше двух часов!

Словно почувствовав немое Женькино недоумение и справедливый укор, крепыш сменил тон. Елядя Безсонову в глаза, он дружелюбно похлопал его по плечу:

– Да нет, парни, против вашего городка я ничего не имею. Просто неделю назад двое ваших земляков слегка огорчили меня. Да какое там огорчили! – мужик в сердцах хлопнул себя по коленям. – Обули, сволочи, как... как...

– Как лоха, – услужливо подсказал водитель маршрутки.

– Парень, у нас так не выражаются! – вмиг посуровел крепыш.

– Ну хорошо, не выражаются, – пожал плечами юноша-водитель. – Все равно ведь, вы говорите, обули вас.

– Это точно – обули, – горько улыбнувшись, согласился мужик. – И когда? Перед самым Новым годом! – пассажир сокрушенно покачал головой. – Я гнал машину в Харьков. В пять утра выехал груженным из Можайска (это под Москвой), в пятнадцать по-московскому должен был быть в Сумах.

Мужик, вынув из нагрудного кармана комбинезона пачку «Парламента» (чем несколько озадачил Безсонова), закурил.

– Решил ехать через ваш городок, потому как надо было

посылочку передать. Сестра моя родная здесь живет. Двадцать лет назад вышла замуж за вашего земляка-военного (он в то время в Можайске служил), а потом уехала с ним... Мы-то сами тамошние, старушка мать и я с семьей испокон веку в Можайске живем. А вот Ленка наша, значит, уехала...

– А кто обул вас, дядя? Не сестра ведь? – прервал лирическое отступление словоохотливого пассажира водитель маршрутки. Безсонов их не слышал. Он отключился от летяще-шумяще-мелькающей навстречу маршрутке действительности, уйдя в приятные раздумья о своих сегодняшних планах. Полчаса на репортаж о погибающем заводе, потом быстренько в мебельный магазин (он неподалеку от завода, в двадцати минутах ходьбы от него) – два дня назад Женька приметил в магазине неплохую детскую кроватку за 155 грн. Сделать важную покупку, доставить ее домой, затем мчаться к жене в роддом, не забыв по пути купить розы... «Километрах в пяти от Сум – там, кажется, еще спиртзавод есть...» – донеслось до Женькиного сознания, оторвав его от нежно-сокровенных мыслей.

– Километрах в пяти от Сум (там, кажется, еще спиртзавод есть) меня тормознули... Вообще-то я редко останавливаюсь на трассе, а тут будто бес попутал. Вижу, кто-то машет рукой, а на обочине «копейка» стоит (если бы иномарка была, ни за что бы не остановился). Тормознул меня тот, кто помоложе и с длинными волосами. Я поначалу вообще подумал, что это девка, на что, собственно, и купился. Второй

был намного старше, неприятный на вид (про таких обычно злые анекдоты рассказывают). Он сидел в «жигуленке» рядом с местом водителя, на пожилom была дорогая норковая папахa (сейчас в таком прикиде половина московских новых ходит). Когда я заглянул в машину, он держал пачку «Парламента» и закуривал. Я тогда удивился: мужик курит «Парламент», а ездит в тридцатилетней задрипанной «копейке»!.. Короче, у них полетела свеча, патлатый вынул из багажника трос, я подогнал свой «мерседес», прицепил их «копейку», и мы тихонько тронулись... Я знаю, где прокололся. Когда я отбуксировал их в какой-то отдаленный район города, где много частных домов – тут мне и надо было с ними расстаться. Но пожилой вдруг проявил ко мне такое внимание, такое расположение, так стал уговаривать пообедать с ними, что я, черт знает почему, согласился. Все ж таки больше семисот километров прошел, вот голод и дал о себе знать... У пожилого, «батьки» (как его называл патлатый Радик), вторая тачка оказалась (причем новенький «опель»), и мы вчетвером (с нами еще подружка Радика увязалась) махнули в кабак. Честно говоря, я давно столько мяса не ел. Пил, конечно, один сок. Ух и вкусный у вас томатный сок делают! Какой-то местный завод... Очнулся я в своем «мерседесе». Голова раскалывалась, будто я накануне бутылку водки выкушал. Глянул... и не узнал вокруг себя местность. Пустырь, кое-где утыканный бетонными сваями, в одном месте какое-то недостроенное здание и кучи, кучи строительного

мусора и дерьма...

– Так вас обокрали эти двое? – встрял в рассказ пассажира водитель маршрутки.

– Паспорт и командировочные не тронули, потому-то я не сразу и хватился. Так, раз кольнуло в сердце. Только когда к сестре приехал, и она, поцеловав меня, вдруг сказала: «Гена, а мы тебя к Новому году ждали» – я по-настоящему забеспокоился. «А сегодня какое?» – «Второе января. Генка, ты совсем заработался». Я еще по инерции пробормотал: «Ленка, я тебе телевизор привез...» – и скорей к машине... Честно говоря, парни, до сих пор страшно вспоминать. Открываю двери фуры – а там елки. Ни двадцати тонн сахара, ни «Соньки» (телевизор мы купили Ленке вместе с матушкой). Целый трейлер елок! Как в кошмарном сне...

– Вы что, в Харьков сахар везли?! Из России к нам?! – почему-то именно на этот момент в рассказе пассажира отреагировал водитель маршрутки.

– Наверное, тростниковый? – спросил Безсонов.

– Да, кубинский, – вяло подтвердил Гена.

– Ну тогда все понятно: тростниковый сахар сейчас дешевле нашего бурачного. Поэтому его выгодно импортировать из России, – заметил Безсонов.

– А вы в милицию обращались? – участливо спросил юноша-водитель.

– Еще нет. Сейчас фуру поставлю на стоянке и буду думать, что делать. Сестра обещала на местных бандитов вый-

ти, чтобы те помогли сахар найти, но меня, честно говоря, не тянет с вашими бандитами связываться. И с елками я еще не знаю, что делать. Они у меня в трейлере Новый год встретили, а теперь куда их?

Гена умолк, уставившись неподвижно в какую-то точку на лобовом стекле маршрутки. «Целая фура елок вместо нескольких тонн сахара! Ведь кому рассказать – не поверят!» – не удержавшись, весело хмыкнул водитель маршрутки. Безсонов тоже улыбнулся. Вдруг ему пришла несмелая мысль заняться темой пропавшего тростникового сахара, провести первое в своей жизни журналистское расследование, но Женька скрепя сердце тут же отказался от этой идеи. И дело не в том, что в глубине души он (как, в общем-то, любой осторожный человек) немного побаивался сумских бандитов, просто Безсонов не хотел менять свои планы – счастливые планы дважды отца.

Женька попросил остановить маршрутку около поворота, ведущего в глубь района города, лет сорок тому назад названного «Химгородком». Перейдя Харьковскую в противоположном направлении, Безсонов быстро пошел в сторону многочисленных баз и складов. Среди них до сих пор кое-как пыхтело несколько заводиков и всюю орудовало с дюжину торговых фирм. Через десять минут Женька вошел в открытые настежь ворота. Поржавевшая металлическая вывеска над ними гласила: «Завод „Красный металлист“». Зато на куске желтоватого ватмана, приклеенного изнутри

к окну заводской проходной, Женька прочел: «ВАТ „МЕТАЛ-КРАФТ“». Из окна на Безсонова равнодушно глянула заспанная физиономия охранника.

Женька, все больше грустнея, окинул взглядом довольно скромную («аскетичную» – пришло ему на ум) заводскую площадку. На нее фасадом выходило одноэтажное здание скорее из седого, чем из белого кирпича и корпус цеха, старомодный, с помутневшими чешуйками стекол под высокой крышей. В тщательно подметенном и даже посыпанном рыжим песком заводском дворе Безсонов не заметил ни ржавых останков каких-нибудь редукторов, швеллеров, труб или мотков проволоки (чем и поныне богаты постсоветские заводские ландшафты), ни тем более по-европейски упакованный в целлофан кирпич или загадочный броский контейнер, представляющийся по-английски: «Made in...»

«Да-а, совсем дело худо, – вздохнул Безсонов. – Как на кладбище». Елядя на эту пронзительную прибранную пустоту, Женька вдруг почувствовал себя ужасно неловко: он ни к месту вспомнил, что не надел сегодня чистую сорочку. «Тьфу ты, напасть какая!» – плюнул под ноги Безсонов и, чтобы скорей избавиться от дурных мыслей, быстро вошел в одноэтажное здание.

Вошел и замер. По левую и правую руку тянулся длинный пустой коридор. Впечатление от коридора оказалось еще более удручающим, чем от стерилизованного заводского двора. Казалось, сделай шаг – и не видать тебе сегодня ярких ощу-

щений! А если решишься дойти до конца коридора (неважно какого – левого или правого – в полумраке они были одинаково не видны!), остаток жизни пройдет без желанных событий. «Но только не у меня!» Безсонов повернул направо. С противоположного конца коридора донеслась песня в стиле русско-цыганского «соул»: «Спрячь девчонку за высоким забором – выкраду вместе с забором!..» Песня звучала чуть слышно, но вместе с пустотой коридора по-странному искушала Женьку, отвлекая его от мыслей о жене и маленьком сыне. Он вдруг сравнил коридор с адской трубой, а песню, шептавшую ему в спину, – с разгульным трубным зовом.

Безсонов остановился у двери с табличкой «Приемная» и, секунду помедлив, вошел. В приемной сидел здоровенный хлопец с взлохмаченной головой и в замасленной синей робе. Громко сербая, хлопец два раза отпил из чашки, в которой светлячком горел желтый флажок чая «Липтон».

– Шо трэба? – недовольно оторвавшись от газетки с кроссвордом (кажется, это была «Арт-мозаика»), зло зыркнул на вошедшего хлопец. Женька не сразу отреагировал на вопрос: он вдруг услышал тихий детский голос, прорывавшийся из-за директорской двери.

– Ты шо, глухой?! – хлопец встал из-за стола, обнаружив недюжинный рост и мощные плечи. – А ну тикай звидсы!

– Ну-ну, дядя, остынь! – Безсонов вынул из внутреннего кармана куртки красную книжечку с тисненной золотом короткой надписью «Преса» и сунул ее под нос здоровенному

хлопцу. — У меня сейчас интервью с директором!

Красный цвет книжечки произвел впечатление на хлопца, он смутился, тем не менее стал мягко выпихивать Безсонова из приемной, напирая на него могучей грудью:

— Ни яких интервью! Дырэктор ни в настрои. Сказав. «Никого не пускаты!» Тому тетъ звидсы!

И хлопнул дверь перед носом опешившего от такого приема Безсонова. Почесав затылок, Женька поплелся во-свояси. Открыл наугад дверь. В комнате сидели три женщины и один мужчина. Его стол стоял особняком, намекая, видимо, на руководящую должность хозяина стола. Вся четверка была далеко не первой молодости и что-то упорно стро-чила. При появлении Безсонова люди дружно уставились на него. Их старые лица, лишённые малейшей искорки жизни глаза, давно вышедший из моды воротник рубашки завбюро, облезлые стулья (на одном из них бросилась в глаза лопнувшая обивка) нагнали на Женьку страшную тоску. Он представил на миг, как его сын, когда вырастет, захочет вдруг стать конструктором, технологом или мастером на производстве. Он закончит местный политехнический университет (сейчас Женька, конечно, понятия не имел, как будет опла-чивать сыновью учебу в университете), получит красный диплом и придет в такой облезлый, унылый отдел, в котором никогда не выветривается запах старости и плесени... Бр-р! От этой мысли Безсонова всего передернуло.

Но тут его взгляд упал на маленькую искусственную елоч-

ку, стоявшую на низеньком столике возле электрического самовара. Елка была необыкновенной! Ее хвоя представляла собой сотни покрашенных в зеленый цвет спичек, воткнутых, видимо, в обмазанный пластилином металлический каркас. «Боже, вот нищета! Елку не могли купить!» – подивился про себя Безсонов, но спросил, естественно, о другом:

– А что, ваш директор в самом деле не в духе?

– Уважаемый, вам лучше поскорей уйти. Для вашей же безопасности, – не глядя Безсонову в глаза, глухо сказал завбюро.

– Чего это вы все меня гоните! – возмутился Женька и в сердцах хлопнул дверью.

В коридоре по-прежнему звучал русско-цыганский «со-ул». Дима Климошенко настойчиво советовал спрятать девочку за высоким забором. Безсонову ничего другого не оставалось, как пойти навстречу песне – навстречу единственному здесь не противящемуся его существованию голосу.

Женька не видел, как, выйдя из приемной, за ним угрюмо наблюдал хлопец в засаленной робе. Проследив две-три минуты за идущим к выходу Безсоновым, хлопец вернулся в приемную и принялся накручивать диск телефона.

– Батько, цэ я, Тарас. Тут якись дурэнь рвався до дырэк-тора... Алэ звидкиля ж я розу мню чого? Вин мэни штовхав якусь червону кныжэчку, алэ я його всэодно выпхал...

Дойдя до выхода, Женька сделал еще несколько шагов навстречу невидимому музыкальному источнику. Коридор поворачивал вправо и почти сразу же упирался в глухую стену. В тупичке стоял стол, за ним сидел седой старик. «Белый как лунь» – невольно пришло сравнение. Зато глаза у деда были голубые-голубые. Они светились озорным молодым огнем, будто оказались неподвластны обесцвечивающей чувства и цвет старости, и располагали к близкому разговору.

Но Женька молчал. Переведя взгляд на пальцы старика, он уже не в силах был оторваться от них. На столе лежала десятка два спичечных коробков. Старик вынимал спичку, опускал ее в бутылек с зеленкой (который стоял тут же на столе) и, уже покрашенную, подносил к металлическому пруту, покрытому зеленой краской. Таких прутов было семь-восемь, разной длины и расходящихся во все стороны от стержня большего диаметра, вертикально установленного в небольшой крестовине.

Старик мастерил из спичек елку, и Женька никак не мог взять в толк, как это у него получается. Старик касался концом спички, свободным от серы, голого прута, и спичка, прямо-таки волшебным образом, намертво замирала на нем, становясь очередной иголкой спичечной хвои.

Было очень тихо. Лишь время от времени шуршали спички в коробке, когда старик опускал в него пальцы.

– Завтра Рождество. Уже поздно ставить елку, – не зная, что сказать, произнес Безсонов.

– Радоваться никогда не поздно. К тому же я хотел бы спросить тебя, мил человек, хорошо ли ты знаешь обычаи и историю православного нашего народа.

– Смотря о чем идет речь.

– Истинные православные христиане мирской Новый год не отмечают. Они постятся в последние дни перед Рождеством, а часть из них наряжают елку в самый канун святого праздника.

– Но, дедушка, когда это у православных стало традицией ставить искусственную елку? Да еще из спичек?!

Старик не ответил. Он с любовью одевал в спички-иглы будущую елку. И тут Безсонову пришла сумасшедшая идея. Он повернулся и быстро побежал к выходу, на бегу крикнув: «Я скоро вернусь!»

Старик, неторопливо закончив работу, нежно, не касаясь спичечной хвои, провел по ней сверху вниз рукой. В то же мгновение его взору предстала маленькая живая сосенка. Несколько минут старик любовался сосенкой. Потом, поднеся руку к деревцу, быстро взмахнул ею. Тут же маленькая красавица опять превратилась в искусственное творение.

– Люди слабы. Их нельзя искушать понапрасну, – задумчиво молвил старик.

Женька как угорелый неся к Харьковской. Уже перебегая улицу на красный свет, он совершенно ни к месту вспомнил, что забыл выяснить, отчего при его появлении неожиданно смолкла цыганская песня, знакомая и далекая, как воспоминания о кино детства. «Надо будет спросить у голубоглазого деда, где он прячет радиоприемник».

Пересекши по диагонали дворами и закоулками жилой район, находящийся сразу за Харьковской, через пять минут быстрого бега запыхавшийся Безсонов стоял у высоких ворот новой автостоянки. Быстро поднялся по железной лестнице, круто ведущей в будку охраны. Перед тем как войти, жадно оглядел сверху стоянку. Без труда отыскал Генкин трейлер – его «мерседес» сразу бросался в глаза среди массы автомашин разных марок и назначения, стоявших в ряд в правильном порядке на заснеженном огороженном пустыре.

Безсонов вбежал в будку. Молодые люди (он – в военном бушлате с камуфляжной окраской, она – в дорогой и совершенно дикой кофейно-сиреневой дубленке) азартно резались в карты.

– Сутки – пятнарик, – не поднимая головы, буркнул охранник.

– Какой пятнарик? Я на «ментовке» привалил! – глупо пошутил Безсонов. Но охранник и девушка, одновременно

перестав выяснять отношения с помощью карт, тут же устались на Женьку.

– Шутка. А вот теперь совершенно серьезно: мне срочно нужен хозяин вон того «мерса»! – Женька махнул рукой в сторону окна, выходящего на стоянку. – Куда он подался?

Молодые люди переглянулись.

– Что за мужик?.. Которого на сахаре кинули? – спросила девица.

– Он и вам все разболтал?!

– А то как же! Мы у него в доверии. Мы у всех водил в доверии! Охрана как никак, – охранник гордо походил шестеркой «пики», потом глянул исподлобья на Безсонова. – Мужик, а это случаем не ты ему елок подсунул?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.